“Мать и сын”

Культура. – 1997. – 10 апр. С. 11

Режиссер Александр Сокуров

Александр ШПАГИН

Когда-то Александр Сокуров сказал, что свою миссию он видит в том, чтобы при помощи кинематографа готовить людей к смерти, помогать им отойти на тот свет. Надо заметить, что делает он это более чем достойно.

Но это в последние годы. Когда-то были “Одинокий голос человека”, “Скорбное бесчувствие”, “Дни затмения” – по-настоящему значительные фильмы, и такие разные! Более того, каждый из них сочетал в себе философию, историзм, гротеск, сюрреализм...

А с 90-го года как будто что-то оборвалось. Начиная с “Круга второго”, возникает ощущение, что режиссеру уже давно нечего сказать. Мысли, идеи, образы исчезли. Осталась только духовная программа.

Оговоримся, что речь идет об игровом кино Сокурова. Документальный его кинематограф в лучшем положении – жизнь все-таки подсказывает ему и образы, и идеи. Хотя состояние все равно остается глубоко однообразным – сон, боль, печаль, гармония. И – тайна бытия.

Несмотря на то, что мы попадем в мир пустоты. Но – пустоты, экзистенциально и концептуально осмысленной. Кажется, что режиссер поверяет ею реальность – то на одном материале эту бесконечную, тотальную пустоту опробует, то на другом.

Пустота здесь есть синоним Того Света. Смерть полностью овладевает миром. Он цепенеет в ее ожидании. Смерть – это смысл жизни. Все остальное – несущественно.

Несущественно, ибо не озарено никакими смыслами. Жизнь героев Сокурова превращается в некую полубессмысленную медитацию. И чем дальше, тем все спокойнее, все умиротвореннее она становится. Душа не протестует, она уже не борется со смертью и не постигает жизнь, а все принимает как данность. И вот уже ни героев, ни душ, ни самого пространства – только одна Пустота, которой все равно, где быть: в мире ли Достоевского (“Тихие страницы”), рядом с Чеховым (“Камень”), в заброшенном городе (“Круг второй”), на войне (“Духовные голоса”) или на заброшенной даче (“Мать и сын”). Вышеназванные пространства интересуют режиссера только как полигоны для вхождения в Тот Свет.

При всем при том мне интересен такой кинематограф, как интересно любое искусство, в котором основополагающий Художественный принцип доведен до блеска и совершенства. Эта абсолютная цельность, законченность и создает ощущение тайны. (Впрочем, в последнее время сквозь тайну начинает проступать налет шаманства).

Да, мне скучновато смотреть последний фильм Сокурова “Мать и сын”, как скучновато все пустое (то есть не насыщенное смыслами), но я понимаю, что он идеально соответствует самому себе, а потому вполне удачен.

Здесь нет ничего случайного и лишнего. Каждый кадр красив, а экранное состояние доходит до предела. Все растворяется во всем: душа сына в душе его умирающей матери, а ее душа – в мире. Больше ничего здесь нет.

А если в произведении искусства ничего нет, то, значит, сие произведение относится к авангарду. Очень хорошо. Снимем шляпы.

Настоятельно рекомендую показывать эту картину в открывающихся по стране косписах.

Вячеслав БАСКОВ

Кинохудожник Александр Сокуров нарисовал новую картину. Она называется “Мать и сын”.

На премьере в элитном Доме кино крупный художник заговорил нарочито утомленным, потухшим голосом. Премьера в Доме кино его не радует. Он от нее не ждет ничего хорошего. Он знает, что москвичей он раздражает. И зал, наполненный москвичами, устыдился. Особую сложность в производстве картины, продолжает мастер, для него лично представляло не столько название картины, сколько звук.

– Мне стали тесны рамки монофонического звучания. Мировое кино развивается в стереофоническом направлении.

Однако с этой главной сложностью Александру Сокурову помогла справиться страна Япония: всю тяжесть озвучания она взяла на себя. Но крохотное островное государство, терзаемое землетрясениями и цунами, не сладило бы с возложенной ответственной задачей в одиночку, вот почему озвучание было доверено и материковой Германии. Особую благодарность Александр Сокуров вынес министерству внутренних дел ФРГ. Немалая заслуга в создании картины и Госкино России, и “Ленфильма”.

– Я сам оцениваю мою работу скромно, – заключил автор.

После того как скромный автор, мобилизовавший на создание своей картины всего три великие державы, покинул сцену, свет в элитном Доме потух и засветился экран.

Художник настиг своих героев – мать и сына – в кульминационный момент их общежития: мать при смерти. Сын то лежит вместе с ней на смертном одре, укутывая ее в саван и раскутывая обратно, то носит ее на руках по пейзажам. Когда носить становится невмоготу, он присаживается на корточки. А то прислонит мать к березе, сам стоит рядом и стережет, чтоб не упала. А то отправляется на пленэр один, чтобы рыдать.

Дом, где живут эти родственники, находится вдали от человеческого жилья, среди дикой природы – скал, бескрайнего моря, грабового леса. В той местности стелется туман, громыхает гром, предвещая грозу, дуют сильные ветры.

Кадр из фильма

Из скупого текста, который произносят на ломаном русском языке (сыграла мать немецкая актриса, а озвучивали ее три другие – тоже с немецкими фамилиями), мы узнаем, что когда-то эта женщина была учительницей и все дни пропадала в школе, школа была ее первым домом, она всю себя отдала воспитанию человечества, сын же оставался дома один и матери почти не видел, а та, находясь от сына вдалеке, постоянно боялась, как бы его не украли. Его не украли. Юрий Арабов, автор сценария, написал примерно полторы машинописные страницы прямой речи. Человеческий голос доносится с экрана нечасто.

Пока сын молча носит мать на руках по горам, долам, дорогам, ведущим в никуда, зрителю предоставлена шикарная возможность слушать стереофоническое звучание завывающий ветра, скрипа башмаков по песку, шелеста листвы и трав, чириканья птичек. Два раза за кадром очень стереофонически гавкнула собака.

Когда мать дернулась, наконец, в последний раз, экран погас. В полной темноте раздалось слабое журчание воды. Разумеется, японо-стереофоническое.

Авторы титров, которые поползли по темному экрану, объявили, будто в фильме использована музыка Чайковского, Глинки и Малера. Поклянусь на Библии, что стереофонические звуки природы поглотили все другие звуки. С таким же успехом можно утверждать, что в фильме звучит музыка Рамо, Гуно, Бизе, Люлли и всей “Могучей кучки” во главе с Балакиревым. И это тоже будет правдой, как правда то, что новая картина кинохудожника Александра Сокурова “Мать и сын” – сама по себе симфония. Без нот.

Анастасия МАШКОВА

Новый фильм Александра Сокурова поражает редкостной, почти реликтовой цельностью замысла и воплощения, профессиональным совершенством.

Великолепная драматургия Юрия Арабова, проявляющая в мастерски написанных диалогах скрытые социальные смыслы внешне совершенно внебытовой, даже бытийной истории. Уникальная, ювелирная работа оператора и звукооператора ленты, монтаж, “захватывающий” зрителя, заставляющий думать и чувствовать в ритме картины. Наконец, оригинальное, творческое осмысление технологии “Долби-стерео”, что, вообще-то, является примером для многих отечественных режиссеров, продолжающих если не снимать, то мыслить по старинке, как будто и нет в мировом кино новейших методов съемки и кинопроката.

Как и всякий фильм Сокурова, “Мать и сын” напоминает рискованный магический сеанс. Уникально одаренный человек создал и запечатлел на пленке странный, почти волшебный мир, невероятно притягательный для исследователя (не случайно, что Сокуров – пожалуй, самый “востребованный” серьезной критикой и киноведением отечественный режиссер), но также и почти страшный, пугающий не по-сказочному. Вот именно этого влечения к пугающему, к смерти, ко всему запредельному и внеположному простому земному бытию человека не могут простить Сокурову многие зрители. Есть тут место и точке зрения неофита, случайно углядевшего сокуровский фильм по телевидению и посчитавшего, что все это сплошное занудство (да простит меня Александр Николаевич Сокуров, человек бесконечно ранимый и беззащитный перед критикой). Существует также спокойное и аргументированное неприятие зрителей просвещенных, знающих и понимающих Сокурова порой ничуть не меньше, чем восторженные его поклонники. Есть и холодные исследователи, “игроки в бисер”, пригоршнями черпающие из творчества А.С., но любящие ли его? Значение и своеобразие (когда-то начинающего постановщика обвиняли в подражании Тарковскому) Сокурова сейчас, похоже, признают безусловно, но все-таки странные отношения любви или, наоборот, нелюбви, преклонения – низвержения, видимо, всегда будут связывать режиссера и публику.

Нельзя сказать, что в сокуровском мире нет места красоте, обаянию молодости. Вспоминается целая плеяда прекрасных молодых лиц, ставших знаками, ликами его кинематографа: Виктория Юриздицкая в роли Элли Дэн в “Скорбном бесчувствии”, Петр Александров в “Камне”, Александр Чередник и Елизавета Королева в “Тихих страницах”. И, конечно, Алексей Ананишнов – главный актер, эмблема знаменитых “Дней затмения”. Наблюдая его девять лет спустя в “Матери и сыне”, нельзя не задуматься о бытии – в самом высоком смысле слова. Хотя, казалось бы, что тут такого? Просто повзрослел, стал мудрее молодой непрофессиональный актер. А упрек слишком жестокому и быстротечному времени уже хочется переадресовать режиссеру. ●